

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

КОГДА БЫЛ ЕСЕНИН МАЛЕНЬКИЙ: ГЛАВА ИЗ НОВОЙ БИОГРАФИИ ПОЭТА

«Жил мальчик в простой крестьянской семье...». Так Сергей Есенин писал о своем детстве в «Черном человеке». А вот как поэт рассказывал о себе Александру Блоку в январе 1918 года: «Из богатой старообрядческой крестьянской семьи» (Блок: 257). В зависимости от обстоятельств Есенин в устных рассказах и в стихах легко мог заменить «*богатую старообрядческую семью*» на «*простую*»: это, очевидно, не казалось ему столь уж важным, тем более что старообрядцем в семье никто не был¹, а жила она серединка на половинку — ни бедно, ни так чтобы очень богато.

Неизменным при «*семье*» всегда оставался эпитет «*крестьянская*». О своем происхождении Есенин никогда не забывал и, вслед за Николаем Клюевым, положил его в основу собственного биографического мифа, мифа «последн <его> поэт <a> деревни».

О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исайя
Моих златых коров.

(«*О пашни, пашни, пашни...*»)

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

(«*Русь Советская*»)

Другой вопрос: *какую* деревню изображал поэт в своих стихах? Ту ли полусказочную, от чьего лица Есенин написал Л. Андрееву свою первую книгу стихов: «Великому писателю Земли Русской Леониду Николаевичу Андрееву. От полей рязанских, от хлебных упевов старух и молодок. На память сердечную о сохе и понёве» (Есенин. Т. 7. Кн. 1: 45)? Или ту капиталистическую?

¹ Подробнее см.: Панфилов: 43.

тическую деревню начала XX века, о повседневной жизни которой юный Есенин в июне 1911 года сообщал в письме к другу Грише Панфилову: «У нас делают шлюза, наехало множество инженеров, наши мужики и ребята работают, мужикам платят в день 1 р. 20 к., ребят <ам> 70 к., притом работают еще ночью. Платят одинаково. Уже почти сделали половину, потом хотят мимо нас проводить железную дорогу» (Есенин. Т. 6: 7)?

Кажется, эти вопросы можно считать риторическими. Ведь вторая, капиталистическая деревня в лирические стихотворения Есенина и в его устные новеллы о себе допущена почти не была — если не принимать в расчет пронзительных есенинских строк о железной дороге:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

(«Сорокоуст»)

Из мемуаров А. Ветлугина: «О своем детстве и отрочестве Есенин рассказывал много, охотно и неправдоподобно» (РЗ о Есенине. Т. 1: 129).

А мы попробуем в данном случае не слишком поддаваться есенинскому обаянию и суммировать факты о детстве и юности поэта в *том* селе, где всюду делали «шлюза» и напряженно ожидали постройки железной дороги. И где сам Сережа увлеченно играл в крокет, а школу проходил не столько «по заре и звездам», сколько по прописям и учебникам.

2.

Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября (3 октября) 1895 года в селе Константиново Рязанского уезда Рязанской губернии. Его отец, Александр Никитич Есенин, с двенадцати лет служил в Москве в мясной лавке. В деревне, даже после женитьбы на Татьяне Федоровне Титовой, он бывал лишь наездами. Так что Александр Никитич еще мог бы сказать о себе горделивыми есенинскими строками:

У меня отец крестьянин,
Ну а я крестьянский сын.

А вот его сын Сергей — уже нет.

Первые три года своей жизни мальчик рос в доме бабушки по отцу, Аграфены Панкратьевны Есениной. Затем его перевели в дом Федора Андреевича Титова, деда по материнской линии. Федор Андреевич происходил из крестьян, но и его жизнь до поры до времени была тесно связана с городом. «Он был умный, общительный и довольно зажиточный человек, — пи-

сала младшая сестра поэта, Александра. — В молодости он каждое лето уезжал на заработки в Питер, где нанимался на баржи возить дрова. Поработав несколько лет на чужих баржах, он приобрел свои» (Есенина: 24). Впрочем, к тому времени, когда маленький Сережа поселился у Титовых, Федор Андреевич «был уже разорен. Две его баржи сгорели, а другие затонули, и все они не были застрахованными. Теперь дедушка занимался только сельским хозяйством» (Есенина: 25).

«Неграмотная, беспаспортная, не имея специальности, мать» будущего поэта «устраивалась то прислугой в Рязани, то работницей на кондитерской фабрике в Москве» (Есенина: 25). Неудивительно, что Сережа «в детстве принимал» ее «за чужую женщину» (С. Виноградская; цит. по: Белоусов. Ч. 1: 17). Своему отцу Татьяна Есенина выплачивала за содержание сына по три рубля в месяц.

В конце 1904 года мать Есенина вместе с сыном вернулась в семью мужа. В сентябре этого же года Сережа поступил в Константиновское четырехклассное училище. Из мемуаров Н. Титова: «Преподавали нам азы всех предметов, заканчивали мы грамматикой и простыми дробями. Если в первый класс у нас поступала сотня учеников, то последний — четвертый — кончало человек десять» (цит. по: Белоусов. Ч. 1: 19).

Что за мальчик был Сережа Есенин? В силу понятных причин, спустя десятилетия мемуаристы были склонны на все лады расписывать его чудесные дарования, проявлявшиеся в самых различных областях. Он и при ловле раков «отличался смелостью, ловил преимущественно в глубине, где никто не ловил, и всегда улов у него был больше всех» (СЕ в стихах и в жизни: 50). И «половить утят» Есенин был «мастак» (Цыбин: 227). И «на льду почти всех перегонял» (ЖЕ: 36). А что касается лазанья по деревьям, «из мальчишек никто не мог со мной тягаться». Это уже из есенинской автобиографии (Есенин. Т. 7. Кн. 1: 8). И еще цитата, на этот раз, из его стихов:

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

(«Все живое особой мерой...»)

Ясное дело, в мемуарах не обошлось без красочных рассказов о чрезвычайно рано пробудившейся в мальчике социальной сознательности. К. Воронцов: «Существовавший строй ему был не по душе» (СЕ в стихах и в жизни: 50). И о еще раньше подмеченном односельчанами таланте Есенина-стихотворца. Прочитируем здесь выразительный фрагмент из воспоминаний А. Зиминной, соученицы младшей есенинской сестры: «... ему было всего восемь или девять лет. Придут к Есениным в дом дедушки — Сережа на печке. Попросят его: «Придумай нам частушку». Он почти сразу сочинял и говорил: «Слушайте и запоминайте». Потом эти частушки распевали на селе по вечерам» (ЖЕ: 31). Все бы хорошо, да только А. Зимина родилась

через пять лет после тех событий, которые она изображает. Куда реалистичнее рассказывал о «первых стихотворческих опытах» Есенина К. Воронцов: «Помню, как однажды он зашел с ребятами в тину и начал приплясывать, приговаривая: «Тина-мясина, тина-мясина». Чуть не потонули в ней» (СЕ в стихах и в жизни: 50).

Почти житийным зачином открываются мемуары о детстве Есенина, записанные за его матерью: «Был у нас в селе праведный человек, отец Иван. Он мне и говорит: «Татьяна, твой сын отмечен Богом»» (СЕ в стихах и в жизни: 5). К туманной перифразе «праведный человек» Татьяна Есенина прибегла для того, чтобы не пользоваться «ругательным» в советское время словом «священник»: речь у нее идет об отце Иване Смирнове¹.

Располагаем ли мы более правдивыми свидетельствами о ранних годах Есенина, не затронутыми ретроспективным знанием мемуаристов о том, в *кого* вырос мальчик Сережа? Располагаем. Важнейшее из них — фраза самого поэта из черновика к его автобиографии: «Детство такое же, как у всех сельских ребятешек» (Есенин. Т. 7. Кн. 1: 22). В окончательный текст, что характерно, эта фраза не попала.

Рассказы о Есенине как о неизменном вожаке деревенских ребятешек корректирует небольшой фрагмент из воспоминаний Н. Сардановского: «Тихий был мальчик, застенчивый, кличка ему была Серега-монах» (СЕ в стихах и в жизни: 50)². А легенду о необыкновенно рано пробудившихся в мальчике творческих способностях почти сводит на нет следующий печальный факт из биографии двенадцатилетнего «Серёги-монаха»: в третьем классе училища он просидел два года (1907-й и 1908-й).

Это событие, по-видимому, стало поворотным в судьбе мальчика: понукаемый родителями и дедом, он берется за ум. По окончании Константиновского четырехклассного училища Сергей Есенин получает похвальный лист с формулировкой: «... За весьма хорошие успехи и отличное поведение, оказанное им в 1908—1909 учебного года» (цит. по: Белоусов. Ч. 1: 23). Вспоминает Екатерина Есенина: «Отец снял со стены портреты, а на их место повесил похвальный лист и свидетельство, а ниже повесил остальные портреты» (СЕ в стихах и в жизни: 12). Нужно, впрочем, отметить, что похвальные листы получили *все* ученики, окончившие четыре класса.

Вероятно, тогда же Есенин страстно полюбил читать. Из мемуаров есенинского друга детства, К. Воронцова: «Если он у кого-нибудь увидит еще не читанную им книгу, то никогда не отступится. Обманет — так обманет, за конфеты — так за конфеты, но все же — выманит» (СЕ в стихах и в жизни: 49). В житийном варианте это звучало следующим образом: «Такая у него жадность была к учению, и знать все хотел» (Татьяна Есенина; цит. по: СЕ в стихах и в жизни: 5). Невольно напрашивающаяся ассоциация — изоб-

¹ Подробнее о нем см.: Есенина: 8.

² Ср. в воспоминаниях младшей сестры поэта, Екатерины: «Наш дедушка, Никита Осипович Есенин, женился очень поздно, в 28 лет, за что получил на селе прозвище «Монах»... Я до школы даже не слышала, что мы Есенины. Сергей прозывался Монах, я и Шура — Монашки» (СЕ в стихах и в жизни: 6–7).

ражение детства Володи Ульянова (Ленина) в многочисленных мемуарах и (мало) художественных произведениях.

В сентябре 1909 года юноша успешно выдержал вступительные экзамены во второклассную учительскую школу, располагавшуюся в большом селе Спас-Клепики, что под Рязанью. Вот какие предметы, согласно постановлению «Об утверждении положения о церковных школах Православного исповедания», он должен был за годы своего обучения освоить: «1). Закон Божий; 2). церковная история; общая и русская; 3). церковное пение; 4). русский язык; 5). церковно-славянский язык; 6). отечественная история; 7). география, в связи со сведениями о явлениях природы; 8). арифметика; 9). геометрическое черчение и рисование; 10). дидактика; 11). начальные практические сведения по гигиене; 12). чистописание» (цит. по: Скороходов: 42—43).

3.

Спас-Клепиковские будни Есенина тянулись уныло и однообразно. «В школе не только не было библиотеки, но даже и книг для чтения, кроме учебников, которыми мы пользовались. — вспоминал есенинский соученик В. Знышев. — Книги для чтения мы брали в земской библиотеке, которая была расположена от школы на расстоянии около двух километров <...> За все три года пребывания в школе не было ни одного общешкольного вечера» (цит. по: Зелинский: 8).

Первоначально Есенин и здесь «ничем из среды товарищей не выделялся» (из мемуаров преподавателя Е. Хитрова; цит. по: Белоусов. Ч. 1: 26). «... Был он аккуратным, опрятным и скромным пареньком, — рассказывал И. Копытин, — но в то же время веселым, жизнерадостным» (ЖЕ: 35).

Однако со временем две определяющие черты интеллектуального облика отделили Есенина от большинства соучеников по школе: он по-прежнему очень много читал, а, кроме того, он начал писать стихи. «Смотришь, бывало, все сидят в классе вечером и усиленно готовят уроки, буквально их зубрят, а Сережа где-либо в уголке класса сидит, грызет свой карандаш и строчка за строчкой сочиняет задуманные стихи, — вспоминал А. Аксенов. — В беседе спрашиваю его: «А что, Сережа, ты в самом деле хочешь быть писателем?» — Отвечает: «Очень хочу». — Я спрашиваю: — «А чем ты можешь подтвердить, что ты будешь писателем?» — Отвечает: — «Мои стихи проверяет учитель Хитров, он говорит, что мои стихи неплохо получаются»» (цит. по: Белоусов. Ч. 1: 32).

Что писал и что читал в свои ранние годы поэт? Ответить на эти два вопроса совсем не так просто, как кажется на первый взгляд. Разобраться мешает обычное для творческой биографии Есенина переплетение правды с легендами.

В есенинских собраниях сочинений и в представительных сборниках его «Избранного» первой помещается серия стихотворений, датированных

1910 годом. Все они поражают своим зрелым мастерством. Приведем здесь только одно из таких стихотворений — «Подражанье песне»:

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

А некоторые другие вошедшие в золотой фонд есенинской поэзии стихотворения 1910 года перечислим по их начальным строкам: «Вот уж вечер. Роса...», «Там, где капустные грядки...», «Выткался на озере алый свет зари...»...

Сгруппированные вместе, эти стихотворения идеально соотносятся с тем образом юного вундеркинда из народа, этакого деревенского Пушкина, который впитывал темы и мотивы для своих произведений прямоком из старинных русских песен, былин и сказок. Именно такой образ Есенин старательно культивировал в стихах и автобиографиях:

Родился я с песнями в травном одеяле.

Зори меня вешние в радугу свивали...

(«Матушка в купальницу по лесу ходила...»)

«На ранних стихах моих сказалось весьма сильное влияние моего деда. Он с трех лет вдалбливал мне в голову старую патриархальную церковную культуру. Отроком меня таскала по всем российским монастырям бабка» (Есенин. Т. 5: 222). «Стихи начал слагать рано. Толчок давала бабка. Она рассказывала сказки» (Есенин. Т. 7. Кн. 1: 11). И еще ближе к классическому пушкинскому мифу: «Нянька, старуха-приживальщица, которая ухаживала за мной, рассказывала мне сказки, все те сказки, которые слушают и знают все крестьянские дети» (Есенин. Т. 7. Кн. 1: 14). Сравним также в выступ-

лении Сергея Городецкого на вечере памяти Есенина 21 февраля 1926 года (и, очевидно, с давних слов самого поэта): «От дедушки-начетчика, сказителя сказок и былин, Есенин взял свои первые песни» (Городецкий 1926: 42).

Однако аутентичные автографы всех перечисленных стихотворений не сохранились. А тексты большинства из них удивительным образом впервые всплыли лишь в 1925 году, когда поэт надиктовал эти стихи своей тогдашней жене Софье Андреевне Толстой и датировал их 1910 годом. Лишь малая часть этих стихотворений публиковалась прежде, но тоже не ранее 1914 года.

Вряд ли будет непростительной смелостью предположить, что в 1925 году, подавляющее число «ранних» шедевров и было написано Есениным, умело стилизовавшим их под собственное творчество середины 1910-х годов¹.

Чтобы убедиться в справедливости нашего предположения, достаточно будет просто сопоставить те есенинские стихотворения, о которых только что шла речь, с теми его виршами, которые были написаны в следующем, 1911 году. Подлинность их датировки не вызывает сомнений, поскольку до нас дошли автографы соответствующего периода. Темы, мотивы, а, главное, стихотворческий уровень есенинских опусов 1911 года разительно отличаются их от стихов Есенина якобы 1910 года.

Вот надрывное есенинское стихотворение 1911–1912 годов «К покойнику»:

Уж крышку туго закрывают,
Чтоб ты не мог навеки встать,
Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят.

Ты будешь нем на зов наш зычный,
Когда сюда к тебе придем.
И вместе с тем рукой привычной
Тебе венков мы накладем.

Венки те красотой будут,
Могила будет в них сиять.
Друзья тебя не позабудут
И часто будут вспоминать.

Покойся с миром, друг наш милый,
И ожидай ты нас к себе.
Мы перетерпим горе с силой,
Быть может, скоро и придем к тебе.

¹ Совершенно фантастической представляется нам гипотеза А. М. Марченко, полагающей, что стихотворения Есенина «Вот уж вечер. Роса...» и «Там, где капустные грядки...» были написаны поэтом... в раннем детстве (Марченко: 262). Впрочем, Надежде Вольпин, согласно сведениям, приводимым в Прохоров: 56 сам Есенин рассказывал, что написал стихотворение «Там, где капустные грядки...» в 1903 году.

Вот осенние стихи о Спас-Клепиковской учительской школе 1911–1912 годов:

Душно мне в этих холодных стенах,
Сырость и мрак без просвета.
Плесенью пахнет в печальных углах —
Вот она, доля поэта.

Видно, навек осужден я влачить
Эти судьбы приговоры,
Горькие слезы безропотно лить,
Ими томить свои взоры.

Нет, уже лучше тогда поскорей
Пусть я иду до могилы,
Только там я могу, и лишь в ней,
Залечить все разбитые силы.

Только и там я могу отдохнуть,
Позабить эти тяжкие муки,
Только лишь там не волнуется грудь
И не слышны печальные звуки.

А это две финальные строфы стихотворения Есенина 1911–1912 годов о столь выразительно им воспетой впоследствии русской зиме:

Вот появились узоры
На стеклах дивной красоты.
Все устремили свои взоры,
Плядя на это. С высоты

Снег падает, мелькает, вьется,
Ложится белой пеленой.
Вот солнце в облаках мигает,
И иней на снегу сверкает.

В этих строках легко отыскать следы недавнего прочтения и, может быть, школьного заучивания наизусть хрестоматийного отрывка из «Евгения Онегина»: «Брега, с недвижною рекою // Сравняла пухлой пеленою».

«В то время я сам преуспевал в изучении «теории словесности», и поэтому охотно объяснил Сергею сущность рифмования и построения всяческих дактилей и амфибрахий. — вспоминал отрочество Есенина Н. Сардановский. — Удивительно трогательно было наблюдать, с каким захватывающим

вниманием воспринимал он всю эту премудрость» (СЕ в стихах и в жизни: 51). Обратив особое внимание на то, что Есенин заинтересовался вопросами стихотворческой техники гораздо раньше многих своих столичных сверстников-поэтов, отметим следом, что в есенинских стихах 1911 года, в отличие от его стихов якобы 1910 года, «премудрость» «теории словесности» еще не была усвоена. Некоторые строки этих стихотворений звучат убийственно пародийно, по-лебядкински¹.

Куда интереснее и важнее было для нас убедиться в том, что львиная доля ранних стихов Есенина (1911 года) совершенно не затронута влиянием фольклорных, около- и псевдофольклорных текстов, всех этих бабушкиных сказок и нянюшкиных песен². Вполне очевидно, что начинающий поэт ориентировался на абсолютно иную традицию: он не слишком удачно, но усердно учился у выпренных гражданских лириков предшествующей эпохи, прежде всего, у Семена Надсона. Именно у этого «вдохновенного истукана учащейся молодежи» (по язвительной формуле Осипа Мандельштама; Мандельштам. Т. 2: 357) Есенин заимствовал унылый пафос вкуче с обширным, хотя и несколько однообразным арсеналом кладбищенских образов. Он пытался прикрыть бутафорскими гробовыми крышками, венками и «судьбы приговорами» свою природную «жизнерадостность, веселость и даже как <ую>-то излишн <ую> смешливость и легкомыслие» (из мемуаров есенинского преподавателя Е. Хитрова; цит. по: СЕ в стихах и в жизни: 55). Остается только подивиться пронизательности Георгия Адамовича, который, не зная «надсоновских» стихотворений Есенина 1911–1912 годов, писал в конце 1920-х годов: «Особой пропасти между Надсоном и Есениным нет, есть даже близость <...> Легко представить себе Есенина, сероглазого рязанского паренька, попадающего в восьмидесятых годах в Петербург и сразу увлекающегося «гражданскими идеалами»» (цит. по: Адамович: 79).

Выстраивая собственную биографию в беседе с И. Розановым, Есенин многозначительно выделит из своего детского круга чтения величайший текст, ориентированный на фольклорную образность: «Знаете ли какое произведение произвело на меня необычайное впечатление? — «Слово о полку Игореве». Я познакомился с ним очень рано и был совершенно ошеломлен им, ходил как помешанный. Какая образность! Вот отсюда, может быть, начало моего имажинизма» (цит. по: Розанов: 16). А вот в мемуарах Н. Сардановского называются совсем иные ориентиры: тут мимоходом упоминается, что есенинский дедушка Федор Андреевич Титов «выписывал журнал «Нива»» (СЕ в стихах и в жизни: 51).

¹ Как злая издевка воспринимается внимательным читателем есенинских стихов следующее суждение из «житийных» мемуаров о поэте, написанных С. Фоминьм: «У Есенина с самых ранних пор не было неудачных стихов. Он сразу вошел в литературу, действительно родившись поэтом» (цит. по: Белоусов. Ч. 1: 55). Подробнее о датировках ранних есенинских стихов см., прежде всего, : Субботин: 58–61. Увы, аргументы исследователя не были приняты во внимание составителями академического собрания сочинений Есенина.

² Об истоках фольклорных мотивов у Есенина (эти мотивы впервые появились в его стихах гораздо позже) см.: Нейман: 204–217.

Щедро предоставлявшая свои страницы эпигонам Надсона, «Нива» в поэтическом сознании юноши Есенина безоговорочно перевешивала «Слово о полку Игореве». ¹ Пройдет еще год, и в мае 1912 Сергей пошлет подборку своих творений в Москву, на конкурс лирических стихотворений имени С. Я. Надсона, объявленный Обществом деятелей периодической печати. А первую, на его же счастье, так и не вышедшую книгу стихов, захочет назвать вполне в надсоновском духе: «Больные думы».

4.

В мае 1912 года Есенин окончил Спас-Клепиковскую учительскую школу. Его тогдашний внешний облик, облик деревенского паренька, с охотой демонстрирующего свою причастность к городской жизни, запечатлен в мемуарах П. Гнилосыровой: «Был Есенин в сером костюме, ботинках и в белой рубашке с галстуком» (ЖЕ: 43).

Начало лета Сергей провел в родном Константинове: «... Он погружался в свои книги и ничего не хотел знать. Мать и добром и ссорами просила его вникнуть в хозяйство, но из этого ничего не выходило» (из воспоминаний Екатерины Есениной; СЕ в стихах и в жизни: 13). 8 июля 1912 года в Константинове Есенин познакомился с Марией Бальзамовой, молодой учительницей из села Калитинки, будущей адресаткой его программного стихотворения «Не бродить, не мять в кустах багряных...»:

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

¹ Подробнее о стихах, публиковавшихся в «Ниве» в 1890-е— 1910-х годы см.: Лекманов 2005: 5–21. Сам Есенин напечатался в «Ниве» один раз, в 1917 году.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

Судя по сохранившимся письмам и открыткам, Есенин некоторое время был серьезно увлечен Марией Бальзамовой. Но, боясь показаться ей неинтересным и провинциальным, о своей любви Есенин предпочитал рассказывать как бы от лица того самого вечно страдающего поэта, чей образ он нащупывал в стихах этого периода. «Я не знаю, что делать с собой. Подавить все чувства? Убить тоску в распутном веселии? Что-либо сделать с собой такое неприятное? Или — жить — или — не жить? — риторически вопрошал семнадцатилетний Есенин у Бальзамовой. — И я в отчаянии ломаю руки, что делать? Как жить? Не фальшивы ли во мне чувства, можно ли их огонь погасить?» (Есенин. Т. 6: 10). И спустя короткое время варьировал эту же тему: «Я стараюсь всячески забыть, надеваю на себя маску — веселия, но это еле-еле заметно» (Есенин. Т. 6: 11). Важное наблюдение комментаторов этих есенинских строк: их стилистика восходит к стилистике письма певца социальных страданий, поэта И. С. Никитина к Н. А. Матвеевой от 19 апреля 1861 года (впервые опубликовано в 1911 году) (Есенин. Т. 6: 255).

В конце июля 1912 года Есенин покидает Константиново и перебирается жить в древнюю русскую столицу. Н. Сардановский: «В моем представлении решающим рубежом в жизни Сергея был переезд его в Москву» (СЕ в стихах и в жизни: 63).

А мы в качестве «задания» на «закрепление пройденного материала» предложили бы читателю самому откорректировать начало биографической справки о Есенине, в 1928 году составленной Б. Козьминым по сведениям, исходившим от автора «Черного человека»: «Отец — бедный крестьянин — отдал двухлетнего Е. на воспитание зажиточному деду по матери, где и протекло детство поэта. Среди мальчишек Е. был всегда коноводом и большим драчуном. За озорство часто пробирали бабушка, а дед иногда сам заставлял драться, «чтоб крепче был». Бабка, религиозная старуха, без памяти любила внука, рассказывала Е. сказки, водила по монастырям. Иногда Е. мечтал уйти в монастырь. На селе его часто называли «Монаховым», а не Есениным. Сельское двухклассное училище он кончил с похвальным листом, а затем был отдан в село «Спас-Клепики» в церковно-учительскую школу, которую и кончил 16 лет. Стихи начал писать очень рано, подражая частушкам. Сознательное же творчество Е. относит к 16—17 годам. 17 лет Е. уехал в Москву» (Козьмин: 122).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович — *Адамович Г.* С того берега. Критическая проза. М., 1996.
- Белоусов. Ч. 1 — *Белоусов В.* Сергей Есенин. Литературная хроника. Ч. 1. М., 1969.
- Блок — *Блок А.* Дневник. М., 1989.
- Городецкий 1926 — *Городецкий С.* [Выступление на вечере памяти С. Есенина] // Есенин. Жизнь. Личность. Творчество. М., 1926.
- Есенин. Т. 5 — *Есенин С.* Полное собрание сочинений: в 7-ми тт. Т. 5. М., 1997.
- Есенин. Т. 6 — *Есенин С.* Полное собрание сочинений: в 7-ми тт. Т. 6. М., 1999.
- Есенин. Т. 7. Кн. 1 — *Есенин С.* Полное собрание сочинений: в 7-ми тт. Т. 7. Кн. 1. М., 1999.
- Есенина — *Есенина А.* Родное и близкое. М., 1968.
- ЖЕ — Жизнь Есенина. Рассказывают современники. М., 1988.
- Зелинский — *Зелинский К.* Сергей Александрович Есенин (Критико-биографический очерк) // Есенин С. Собр. соч.: в 5-ти тт. Т. 1. М., 1961.
- Козьмин — Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. М., 1992.
- Лекманов 2005 — *Лекманов О.* Стихи в журнале «Нива», 1890—1917 (К теме: «Русский модернизм и массовая поэзия») // Русская литература XX века: журнальные и газетные ключи. Этюды. М., 2005.
- Мандельштам — *Мандельштам О.* Собрание сочинений: в 4-х тт. М., 1993—1997.
- Марченко — *Марченко А.* Есенин Сергей Александрович // Русские писатели XX века. Биографический словарь. М., 2000.
- Нейман — *Нейман Б.* Источники эйдологии Есенина // Художественный фольклор. Вып. IV — V. М., 1929.
- Панфилов — *Панфилов А.* Константиновский меридиан. М., 1992.
- Прохоров — *Прохоров С.* Фольклор в художественном мире С. А. Есенина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Коломна, 1997.
- РЗ о Есенине — Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи. В 2 тт. Т. 1. М., 1993.
- Розанов — *Розанов И.* Есенин о себе и других. М., 1926.
- СЕ в стихах и в жизни — Сергей Есенин в стихах и в жизни. Воспоминания современников. М., 1995.
- Скорыходов — *Скорыходов М.* Образование получил в учительской школе... // Новые книги России. 2002. № 7.
- Субботин — *Субботин С.* Авторские датировки в «Собрании стихотворений» Сергея Есенина (1926). Невостребованные документальные материалы // De visu. 1993. № 11.
- Цыбин — *Цыбин К.* Слово школьного товарища // Сергей Есенин. Исследования. Материалы. Выступления. М., 1967.